БОРИСЪ ПАСТЕРНАКЪ

ПОВЕРХЪ БАРЬЕРОВЪ

ВНТ
РИФ
УГА

БОРИСЪ ПАСТЕРНАКЪ

ПОВЕРХЪ БАРЬЕРОВЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА
1917

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФІЕЙ Т-ва И. Н. ГРЫЗУНОВЪ и К° ВЪ МОСКВѢ

To the soul in my soul that rejoices
For the soug that is over my soug.

(Swinburwe).

1

ПОСВЯЩЕНЬЕ.

Мелко исписанный снѣжной крупой
Дворъ, ты, какъ приговоръ къ ссылкѣ,
На недоѣдъ, недосыпъ, недопой
На боль съ барабаннымъ боемъ въ затылкѣ!

Дворъ, ты, покрытый усышкой листвы
Съ солью изъ низко нависшихъ градиренъ;
Шинъ и полозьевъ чернѣются швы,
Мерзлый нарывъ октября расковырянъ.

Старческимъ ногтемъ небесъ, октября
Старческимъ ногтемъ, и старческимъ ногтемъ
Той, что, съ утра подступивъ къ фонарямъ,
Кашляетъ въ шали и варитъ декоктъ имъ.

Дворъ, этотъ вихрь, что, какъ кучеръ въ морозъ,
Снѣгомъ поросъ и по брови нафабренъ
Снѣгомъ закушеннымъ,—онъ переросъ
Черные годы окраинъ и фабрикъ.

Вихрь, что, какъ кучеръ, облѣпленъ, какъ онъ
Снѣгомъ по горло набитъ и какъ, кучеръ,
Взятъ, перевязанъ, спаленъ, ослѣпленъ,
Задранъ и къ тучамъ, какъ кучеръ, прикрученъ,

Дворъ—этотъ вѣтеръ тѣмъ родственень мнѣ,
Что со всего околотка, съ налету,
Онъ объявленьемъ налипнетъ къ стѣнѣ:
Люди, тамъ любятъ и ищутъ работы.

Люди! Тамъ ярость сановнѣй моей.
Люди! Тамъ я! преклоняю колѣни.
Люди, тамъ, словно съ полярныхъ морей,
Дуетъ всю ночь напролетъ съ Откровенья.

Крѣпкіе тьмѣ—полыханьемъ огней,
Крѣпкіе стужѣ—стрѣльбою полѣньевъ,
Стужа въ ихъ пѣсняхъ студенѣй моей
Ихъ откровеній темнѣе затменье!

Съ улицъ взимаетъ зима, какъ баскакъ,
Шубы и печи и комнатъ убранство,
Знайте же,—зимняго ига очагъ
Тамъ, у поэтовъ, въ ихъ нищенскомъ ханствѣ.

Огородитесь отъ вьюги въ стихахъ
Шубой; отъ ночи въ поэмѣ—свѣчою.
Полнымъ фужеромъ—когда впопыхахъ
Опохмѣляется духъ съ перепою

И безъ задержекъ, и безъ полусловъ,
Но отъ души заказной бандеролью
Вина, мѣха, освѣщенье и кровъ
Шлите туда въ департаменты голи.

2

ДУРНОЙ СОНЪ.

Прислушайся къ вьюгѣ, сквозь десны процѣженной,
Прислушайся къ захлеснямъ чахлыхъ безснѣжій
Разбиться имъ не обо что, и заносы
Чугунною цѣпью проносятся по снѣгу,
Проносятся черезполосицей, поѣздомъ,
Сквозь черныя десны деревьевъ на сносѣ,
Сквозь десны заборовъ, сквозь десны трущобъ,

Сквозь тесъ, сквозь лѣса, сквозь кромѣшныя десны
Чудесъ, что приснились небесному постнику,
Онъ видитъ: попадали зубы изъ челюсти
И шамкаютъ замки, помѣстія съ пришептомъ,
Все вышиблено, ни единаго въ цѣлости!
И постнику тошно отъ стука костей,

Отъ зубьевъ пилотовъ, отъ флотскихъ трезубцевъ,
Отъ красныхъ зазубринъ Карпатскихъ зубцовъ,
Онъ двинуться хочетъ—не можетъ проснуться,
Не можетъ, засунутый въ сонъ на засовъ—

И видитъ еще. Какъ наземъ огородника,
Всю землю сравняли съ землею сегодня,
Не вѣритъ, чтобъ мѣсяцъ распаренный выплылъ
За косноязычною далью въ развалинахъ
За челюстью дряхлой, за опочивальней
На бѣшеномъ стеблѣ, на стеблѣ осипломъ
На стеблѣ, на стеблѣ зимы измочаленной.

Нѣтъ, блѣдной, отеклой, одутлою тыквой
Со стебля свалился онъ въ ближнюю рытвину,
Онъ сорванъ былъ битвой и битвой подхлеснутый
Шаромъ откатился въ канаву съ откоса —
Сквозь десны деревьевъ, сквозь черныя десны
Заборовъ, сквозь десны щербатыхъ трущобъ.

Пройдись по землѣ, по баштану помѣшаннаго,
Здѣсь распорядились бахчой ураганы,
Нѣтъ грядъ, что руки игрока бы избѣгли,
Во гробъ, на носилки ль, на небо, на снѣгъ ли
Вразбродъ откатились калѣки, какъ кегли,
Какъ по небу звѣзды, по снѣгу разъѣхались.
Какъ въ немъ посмѣлъ онъ играть, человѣкъ?

Прислушайся къ вьюгѣ, дресвою процѣженной,
Сквозь дряхлыя десны древесныхъ безснѣжій,
Разбиться имъ не обо что, и заносы,
Какъ трещины черныя, рыскаютъ по снѣгу
Проносятся поѣздомъ, грозно проносятся
Сквозь тесъ, сквозь лѣса, сквозь кровавыя десны...
. . . . . .
И снится, и снится небесному постнику—
. . . . . .

3

Артиллеристъ стоитъ у кормила
И земля, зачерпывая бортомъ скорбь,
Несется подъ давленьемъ въ милліардъ атмосферъ,
Озвѣрѣвъ, со всѣми баттареями въ пучину.

Артиллеристъ-вольноопредѣляющійся, скромный и простенькій,
Онъ не видитъ опасныхъ отроговъ,
Онъ не слышитъ словъ съ капитанскаго мостика,
Хоть и вѣруетъ этой ночью въ Бога;

И не знаетъ, что ночь, дрожа по всей обшивкѣ,
Лѣсовъ, озеръ, церковныхъ приходовъ и школъ
Вотъ вотъ срѣжется, спрягая въ разбивку
Съ каѳедры на́ вѣтеръ брошенный глаголъ:
Záo
Голосомъ пересохшей гаубицы,—
И вотъ вотъ провалится голосъ,

Что земля, терпѣвшая обхаживанья солнца
И ставшая солнце обхаживать потомъ,
Съ этой ночи вращается вкругъ пушки
И что онъ, вольноопредѣляющійся, правитъ винтомъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

4

Осень. Отвыкли отъ молній.
Идутъ слѣпые дожди.
Осень. Поѣзда переполнены—
Дайте пройти!—Все позади.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

5

ФАНТАЗМЪ.

Въ девять, по лѣвой, какъ выйти со Страстного,
На сырыхъ фасадахъ—ни единой вывѣски.
Солидныя предпріятья—но—улица изъ сновъ вѣдь!
Щиты мѣшаютъ спать, и ихъ велѣли вынести.

Суконщики, С. Я., то есть сыновья суконщиковъ,
(Форточки—наглухо, конторщики въ отлучкѣ)—
Спитъ, какъ убитая Тверская, только кончикомъ
Сна высвобождаясь, точно сонной ручкой.

Къ ней то и прикладывается Памятникъ Пушкину,
И дѣло начинаетъ пахнуть дуэлью,
Когда, какой то изъ новыхъ, воздушный
Поцѣлуй посылаетъ ей лайковой метелью.

Во-первыхъ, онъ помнитъ, какъ началось безсмертье:
Тотчасъ по возвращеньи съ дуэли, дома,
И трудно отвыкнуть. И, во-вторыхъ и въ третьихъ
Она изъ Гончаровыхъ, ихъ общая знакомая!

6

ПЕТЕРБУРГЪ.

Какъ въ пулю сажаютъ повторную пулю
Или жарятъ по пламени свѣчки,
Такъ этотъ миражъ побережій и улицъ
Петромъ разряженъ безъ осѣчки.

О, какъ великъ былъ. Какъ сѣткой конвульсій
Покрылись желѣзныя щеки,
Когда на Петровы глаза навернулись
Слезя ихъ, заливы въ осокѣ.

И къ горлу балтійскія волны, какъ комья
Тоски, подкатили, когда имъ
Забвеніе владѣло, когда онъ знакомилъ
Съ имперіей царство, край—съ краемъ.

Нѣтъ времени у вдохновенья. Болото,
Земля ли, иль море иль лужа,—
— Мнѣ здѣсь сновидѣнье явилось, и счеты
Сведу съ нимъ сейчасъ же и тутъ же.

Былъ тучами царь, какъ дѣлами, заваленъ;
Въ распоротый пасмурный парусъ
Ненастья—щетиною ста готоваленъ
Врѣзалася царская ярость.

Въ дверяхъ, надъ Невой на часахъ, какъ гайдуки,
Вѣка пожирая, стояли
Въ горячешной мглѣ отдаленные стуки
Рубанковъ, снастей и пищалей,

И знали: не будетъ пріема. Ни мамокъ,
Ни дядекъ, ни баръ, ни холопей,
Пока у царя на чертежный подрамокъ
Надѣты таежныя топи.

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо надъ буемъ, залитымъ
Мутью, мѣшаетъ съ толченымъ графитомъ
Узкихъ свистковъ паровые клубы.

Пасмурный день растерялъ катера.
Снасти крѣпки, какъ раскуренный кнастеръ,
Дегтемъ и доками пахнетъ ненастье
И огурцами баркасовъ кора.

Съ мартовской тучи летятъ паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями въ слякоть,
Таютъ въ каналахъ балтійскаго шлака,
Тлѣютъ по чернымъ слѣдамъ колеса.

Облачно. Щелкаетъ лодочный блокъ.
Пристани бьютъ въ ледяныя ладоши.
Гулко булыжникъ обрушивши, лошадь
Глухо въѣзжаетъ на мокрый песокъ.

Чертежный рейсфедеръ
Всадника мѣднаго,
Отъ всадника—вѣтеръ
Морей унаслѣдовалъ.

Каналы на прибыли,
Нева прибываетъ,
Онъ сѣвернымъ грифелемъ
Наноситъ трамваи.

Попробуйте, лягте ка
Подъ тучею сѣрой,
Здѣсь скачутъ на практикѣ
Поверхъ всѣхъ барьеровъ

И видятъ окраинцы
За Нарвской, на Охтѣ—
Туманъ продирается
Отодранный ногтемъ,

Петръ машетъ имъ шляпою
И плещетъ, какъ прапоръ,
Пурги расцарапанный,
Надорванный рапортъ,

Сограждане, кто это?
И кѣмъ на терзанье
Распущены по вѣтру
Полотнища зданій?

Какъ планъ, какъ ландкарту
На плотномъ папирусѣ,
Онъ городъ по Марту
Раскинулъ и выбросилъ.

И тучи, какъ волосы, встали дыбомъ
Надъ дымной блѣдной Невой
Кто ты? Кто ты? Кто бы ты ни былъ—
Городъ—вымыселъ твой,

Улицы рвутся, какъ мысли, къ гавани
Черной рѣкой манифестовъ,
Нѣтъ, и въ могилѣ, и въ склепѣ и въ саванѣ
Ты не нашелъ себѣ мѣста,

Волнъ наводненья не сдержишь сваями
Рѣчь ихъ, какъ кисти слѣпыхъ повитухъ,
Это вѣдь бредишь ты, невмѣняемый
Быстро бормочешь вслухъ.

7

СОЧЕЛЬНИКЪ

Всѣ въ крестикахъ бѣлыхъ, какъ въ Варѳоломееву
Ночь—окна и двери. Метель заговорщица,
Оклеивай окна и двери оклеивай
Тамъ дѣтство рождественской елью топорщится,

Бушуетъ бульваровъ безлиственныхъ заговоръ,
Торжественно. Грозно. Беззвѣздно. И боязно.
На сборное мѣсто, городъ! За́ городъ!
И хлопья мелькаютъ, какъ лампы у пояса.

Какъ лампы у пояса. Грозно, торжественно,
Беззвѣздно и боязно. Вѣтеръ разнузданный
Освѣтитъ кой гдѣ балаганное шествіе
Вы узнаны вѣтки! Прохожій, ты узнанъ!

И взмахъ лампіона.—Вы узнаны, узники
Уюта! и по̀ двери, мѣломъ, крестъ на крестѣ
Отъ номера къ номеру. Стынущей музыкой
Визгливо: Вы узнаны скрипы фіакра!

Что лагаремъ стали, что подняты на ночи,
Что въ саванахъ въ мысли сувои—сполагоря!
Подъ праздникъ отправятся къ праотцамъ правнуки!
Ночь—Варѳоломеева! За городъ! За городъ!

8

Цѣльною льдиной изъ дымности вынутъ
Ставшій съ недѣлю звѣздный потокъ,
Клубъ конькобѣжцевъ вверху опрокинутъ,
Чокается со звонкою ночью катокъ.

Рѣже, рѣже, рѣже ступай конькобѣжецъ,
Въ бѣгѣ ссѣкая шагъ свысока,
На поворотѣ созвѣздьемъ врѣжется
Въ небо Норвегіи скрежетъ конька,

Воздухъ желѣзомъ къ ночи прикованъ
О, конькобѣжцы! Тамъ—все равно,
Что, какъ орбиты, какой то очковой
Ночь на землѣ, и какъ кость домино,

Что языкомъ обомлѣвшей лягавой
Мѣсяцъ къ скобѣ примерзаетъ. Что рты
Какъ у фальшивомонетчиковъ—лавой
Духъ захватившаго льда налиты.

9

РАСКОВАННЫЙ ГОЛОСЪ..

Въ шалящую полночью площадь
Въ сплошавшую бѣлую бездну
Незримому ими. Извощикъ,
Низринуть съ подъѣзда. Съ подъѣзда

Столкнуть въ сбѣлененную полночь
И слышать, сквозь темные спаи
Цѣлующихъ хлопьевъ:—На помощь—
Мой голосъ зоветъ, утопая

И видѣть, какъ, въ единоборствѣ
Съ метелью, съ лютѣйшей изъ лютенъ,
Онъ,—этотъ мой голосъ,—на черствой,
Уздѣ выплываетъ изъ мути...

10

Какая горячая кровь у сумерекъ.
Когда на лампѣ колпакъ свѣтлосиній,
Мнѣ весело,— ласка, понятье о юморѣ
Есть, вѣрь, и у висѣльниковъ на осинѣ;

Какая горячая, если растерянно
Изъ дома Коровина на вѣтеръ вышедъ,
Запросишь у стужи высокой матеріи,
Что кровью горячею сумерекъ пышетъ,

Когда абажуръ свѣтлосиній надъ лампою
И ртутью туманъ съ троттуарами налитъ,
Какъ резервуаръ съ колпакомъ свѣтло синимъ;
Какая горячая кровь у сумерекъ!

11

ПОЛЯРНАЯ ШВЕЯ.

I.

На мнѣ была бѣлая обувь дѣвочки
И ноябрь на китовомъ усѣ,
Послѣдняя мгла изъ ея гардеробовъ
И не во что ей запахнуться.

Ей не было дѣла до того, что чучело —
Чурбанъ мужского рода,
Разутюживъ вьюги, она ихъ вьючила
На сердце безъ исподу.

Я любилъ оттого, что въ платьѣ милой
Я милую видѣлъ безъ платья,
Но за эти видѣнья днемъ мнѣ мстило
Перчатки рукопожатье.

Еще многимъ подросткамъ вѣрно снится
Закройщица тѣхъ одиночествъ,
Накидка подкидыша, ея ученицы
И гербы на картонкѣ ночи.

II.

И даже въ портняжной,
Гдѣ подъ коленкоръ
Канарейка объ сумерки клювъ свой стачивала,
И даже въ портняжной,—каждый спрашиваетъ
О стѣнномъ приборѣ для измѣренья чувствъ.

Изступленье разлуки на немъ завело
Подъ седьмую подводину стрѣлку,
Протяжнѣй влюбленнаго взвыло число,
Двѣ жизни да ночь въ умѣ!
И даже въ портняжной,
Гдѣ черезъ корридоръ
Рапсодія венгерца за неуплату денегъ,
И даже въ портняжной,
Сердце, сердце,
Стѣнной неврастеникъ насъ знаетъ въ лицо.

Такъ далеко-ль зашло безпамятство,
Упрямится ль свѣтлость твоя—
Смотри: съ тобой объяснятся знаками
Полярная швея.

Отводитъ глаза лазурью лакомой,
Облыжное льетъ стекло,
Смотри, съ тобой объясняются знаками...
Такъ далеко зашло.

12

МЕТЕЛЬ.

Въ посадѣ, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, въ бѣсноватой округѣ,
Гдѣ и то, какъ убитые, спятъ снѣга.

Постой, въ посадѣ, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлеснулся обрывокъ шальной шлеи.

Ни зги не видать, а вѣдь этотъ посадъ,
Можетъ быть, въ городѣ, въ Замоскворѣчьи,
Въ Замостьи и прочая,—(въ полночь забредшій
Гость отъ меня отшатнулся назадъ).

Послушай, въ посадѣ, куда не одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вѣстникъ—осиновый листъ, онъ безгубый,
Безъ голоса, Вьюга, блѣднѣй полотна!

Метался, стучался, во всѣ ворота,
Кругомъ озирался, смерчомъ съ мостовой,
— Не тотъ это городъ и полночь не та
И ты заблудился, ея вѣстовой!—

Но ты мнѣ шепнулъ, вѣстовой, не спроста,
Въ посадъ, куда ни одинъ двуногій...
Я тоже какой-то... я сбился съ дороги:
— Не тотъ это городъ и полночь не та!—

13

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Я клавишей стаю кормилъ съ руки
Подъ хлопанье крыльевъ, плескъ и клекотъ,
Я вытянулъ руки, я всталъ на носки,
Рукавъ завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это былъ прудъ
И волны.—И птицъ изъ породы люблювасъ,
Казалось, скорѣй умертвятъ, чѣмъ умрутъ
Крикливые черные крѣпкіе клювы.

И это былъ прудъ. И было темно.
Пылали кубышки съ полуночнымъ дегтемъ.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлися птицы о локтѣ.

И ночь полоскалась въ гортаняхъ запрудъ
Казалось, покамѣстъ птенецъ не накормленъ,
И самки скорѣй умертвятъ, чѣмъ умрутъ,
Рулады въ крикливомъ искривленномъ горлѣ.

14

Какъ казначей послѣдней изъ планетъ,
Въ какой я книгѣ справлюсь, горожане,
Во что душѣ обходится поэтъ,
Любви, людей и весенъ содержанье.

Однажды я невольно заглянулъ
Въ свою еще не высохшую роспись—
И ты—больна, больна милліономъ скулъ,
И ты—одна, одна въ ихъ черной оспѣ!

Счастливая, я дѣвушкѣ скажу,
Когда нибудь, и съ сотворенья міра
Впервые, тѣло спустятъ, какъ баржу,
На волю дней, на волю ихъ буксира.

Несчастная, тебѣ скажу, женѣ
Еще не позабытыхъ похожденій,
Несчастная затѣмъ, что я вдвойнѣ
Люблю тебя за то и это рвенье!

Можетъ, быть не поздно
Брось, брось,
Можетъ быть, не поздно еще
Брось!

Вѣдь будетъ онъ преслѣдовать
Ревъ этихъ трубъ,
Назойливыхъ сѣтованій
По утру, ввечеру:

Зачѣмъ мнѣ такъ тѣсно
Въ моей душѣ
И такъ безотвѣтственъ
Сосѣдъ!

Быть можетъ, оттуда сюда перейдя
И перетащивъ гардеробъ,
Она забыла тамъ снять съ гвоздя,—
О, если бы только салопъ.

Но, безъ всякаго если бы, лампа чадитъ
Надъ краснымъ квадратомъ ковровъ,
И, безъ всякаго если бъ, магнитъ, магнитъ—
Ея родное тавро.

Ты думаешь, я кощунствую?
О нѣтъ, о нѣтъ, повѣрь!
Но, какъ ядъ, я глотаю по унціи
Въ былое ведущую дверь.

Впустите, я тамъ уже, или сойду
Я отъ опозданья съ ума,
Сохранна въ душѣ, какъ птица на льду,
Ревнивой тоски сулема.

Ну понятно, въ туманѣ бумагъ, стихи
Проведутъ эту ночь во снѣ!
Но всю ночь мои мысли, какъ сосенъ верхи—
Къ зарѣ—въ твоемъ первомъ огнѣ.

Раньше я покрывалъ твои колѣни
Поцѣлуями отъ всего безразсудства.
Но, какъ крылья, растутъ у меня оскорбленья,
Дай и крыльямъ моимъ къ тебѣ прикоснуться!

Ты должна была бъ слышать, какъ пѣсню въ кости,
Охранительный окрикъ: Постой, не торопись!—
Если бъ знала, какъ будетъ намъ больно расти
Потомъ, втроемъ, въ эту узкую высь!

Маленькій, маленькій звѣрь,
Дитя большихъ звѣрей,
Предъ собой, за собой провѣрь
Замки у всѣхъ дверей!

Давно идутъ часы,
Тебя не стали ждать
И въ дѣвственныхъ дебряхъ красы
Бушуетъ: „Опять, опять“...
. . . . . .

Полюбуйся жъ на то,
Какъ всевластенъ размѣръ
Орелъ, рѣшето.
Ты щедра—я щедръ.

Когда копилка наполовину пуста,
Какъ краснорѣчивы ея уста:
Описки, подчасъ, звучатъ звончѣй
Копилки и доверху полной грошей.

Но поэтъ, казначей человѣчества, радъ
Душеизнурительной цифрѣ затратъ,
Затратъ, пошедшихъ, напримѣръ,
На содержанье трагедій, царствъ и химеръ.

15

МЕЛЬНИЦЫ.

Надъ свѣже взрытой тишиной
Надъ вѣчной памятію лая,
Семь тысячъ звѣздъ за упокой,
Какъ губы блѣдныхъ свѣчъ, пылаютъ.

Какъ губы шепчутъ, какъ руки вяжутъ,
Какъ вздохъ невнятны, какъ кисти дряхлы,
И кто узнаетъ, и кто разскажетъ
Чѣмъ, въ ихъ минувшемъ, дѣло пахло

И кто отважится, и кто осмѣлится
Звѣздами связанный, хоть палецъ высвободить,
Вѣдь даже мельницы, *о даже мельницы!*—
Окоченѣли на лунной исповѣди.

Имъ вѣтеръ былъ розданъ,
А новаго нѣтъ,
Они, какъ звѣзды,
Заимствуютъ свѣтъ
У свѣта

И вѣянье крылъ у надкрыльевъ
Жуковъ—и головокруженье головъ,
Отъ пыли, головокружительной пыли
И отъ плясовыхъ головешекъ костровъ—

Когда же бѣснуются куры и стружки,
И дымъ коромысломъ, и пыль столбомъ
И падаютъ капли мѣдяшками въ кружки
И рѣзко, и изрѣдка лишь—серебромъ,—

Тогда просыпаются мельничныя тѣни,
Ихъ мысли, ворочаются, какъ жернова,
И онѣ огромны, какъ мысли геніевъ,
И тяжеловѣсны, какъ ихъ слова;

И, какъ приближенные ихъ, онѣ приближены
Вплотную саженныя, къ саженнымъ глазамъ
Плакучими тучами досуха выженнымъ
На подобіе общихъ могильныхъ ямъ.

И мозгами, усталыми отъ далей пожалованныхъ,
И валами усталыхъ мозговъ,
Грозовыя громады онѣ перемалываютъ
И ползучія скалы кучевыхъ облаковъ—

И онѣ перемалываютъ царства проглоченныя
И, вращая бѣлками, пылятъ облака—
И въ подобныя ночи подъ небомъ нѣтъ вотчины,
Что бъ бездомнымъ глазамъ ихъ была велика.

16

MATERIA PRIMA.

Чужими кровями сдабривавшій
Свою, оглушенный поэтъ,—
Окно на Софійскую набережную,
Не въ этомъ ли весь секретъ.

Окно на Софійскую набережную,
Но только о рѣчкѣ запой,
Твои кровяные шарики,
Кусаясь, пускаются за рѣку,
Какъ крысы на водопой.

Волненье даритъ обмолвкой.
Обмолвясь словомъ—рѣка—
Открылъ ты—не форточку,
Открылъ мышеловку,
Къ рѣкѣ прошмыгнули мышиныя мордочки
Съ пастью не одного пасюка.

Сколько жадныхъ моихъ кровинокъ
Въ крови облаковъ и помоевъ и будней
Ползутъ въ зти поры домой, приблудныя
Снѣдь пѣсни, снѣдь тайны оттаявшей вынюхавъ.

И когда я танцую отъ боли
Или пью за ваше здоровье.
Все то же: свирѣпствуютъ свистъ въ подпольѣ
Свистятъ мокроусыя крови въ крови.

1914.

17

Съ разсвѣтомъ, взваленнымъ за спину.
Пусть съ корзиной съ грязнымъ бѣльемъ,
Выхожу я на рѣку, заспанный—
Берега сдаются въ наемъ.

Портомойныя руки въ тумакахъ пухнутъ,
За синеніемъ стеколъ мерзлыхъ горишь,
Словно дѣтскій чулочекъ, пасть кошки на кухнѣ
Выжимаетъ суконную мышь;

И изъ выжатой пастью тряпочки
Каплетъ спѣлая кровь чернымъ дождикомъ на полъ,
Съ горькимъ утромъ въ зубахъ ее сцапала кошка,
И комокъ того утра—за шкапомъ;

Но вѣдь крошечный этотъ чулочекъ—
Изъ всего предразсвѣтнаго узла!
Ахъ, я знаю, что станетъ сочиться изъ ночи
Если выжать весь прочій облачный хламъ,

1914.

18

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Камень мыло унынье,
Всхлипывалъ санный комъ,
Гнилъ былъ линючій иней,
Снѣгъ былъ съ полымъ дупломъ.

Шаркало. Оттепель, харкая,
Ощипывала фонарь,
Какъ куропатку кухарка,
И городъ былъ голъ, какъ глухарь.

Если сползались сани
И расползались врозь,
Это въ туманѣ фазаньимъ
Перьямъ его ползлось,

Да, это имъ хотѣлось
Подъ облака, подъ стать—
Ихъ разрыхленному тѣлу
Черное—небу постлать.

19

НО ПОЧЕМУ.

Но почему
На медленномъ огнѣ предчувствія
Сплавляютъ зиму,
И почему
Весь, какъ весною захолустье,
Уязвимъ я,
И почему,
Какъ снѣгъ у бака водогрѣйни,
Я разсѣянъ,
И почему
Парная ночь, какъ испаренье
Водогрѣенъ
И облака,
Раздольемъ моего ночного мозга
Плывутъ, пока
Съ земли чужой ихъ не окликнетъ волгласъ,

И волоса
Мои приподымаются надъ тучей,
Нѣтъ, нѣтъ! Коса
Твоя найдетъ на камень, злополучье!

Пусть сейчасъ
Этотъ мозгъ, какъ боченокъ, и высмоленъ
И ни паруса!
Пѣна и пѣна.

Но сейчасъ
Но сейчасъ—дай собраться мнѣ съ мыслями—
Постепенно—
Пусти!—Постепенно

Нѣтъ опять
Тетка Оттепель крадется съ краденымъ,
И опять
Гододъ всталъ шепелявой облавой,

И опять
По глазнымъ, ополоснутымъ впадинамъ
Таютъ клады и плаваютъ
Купола съ облаками и главы—
И главы.

1915.

20

СКРИПКА ПАГАНИНИ.

1.

Душа, что получается?
— Повремени. Терпѣнье.

Онъ на простѣнокъ выбѣгъ,
Онъ почернѣлъ, кончается—
Сгустился,—цѣлый цыбикъ
Былъ высыпанъ изъ чайницы.

Онъ на карнизѣ узкомъ,
Онъ изъ агата выточенъ,
Онъ одуряетъ сгусткомъ
Какой-то страсти плиточной;

Отчетливъ, какъ маіолика,
Изъ смолъ и молній набранъ,
Онъ дышитъ дрожью столика
И зноемъ канделябровъ;

Довольно. Мгла заплакала
Углы стекла всплакнули...
Былъ карликомъ, кривлякою—
Messieurs—разставьте стулья.

2.

Дома изъ болѣе, чѣмъ антрацитныхъ плитокъ,
Сады изъ болѣе, чѣмъ мѣдныхъ мозаикъ,
И небо болѣе паленое, чѣмъ свитокъ,
И воздухъ болѣе надтреснутый, чѣмъ вскрикъ,

И въ сердцѣ, болѣе прерывистомъ, чѣмъ—Слушай—
Глухихъ морей въ ушахъ материка,
Врасплохъ застигнутая болѣ, чѣмъ удушьемъ
Любовь и болѣ, чѣмъ любовная тоска!

3.

Я дохну на тебя, мой замыселъ,
И ты станешь, какъ кожа индѣйца.
Но на что тебѣ, пѣсня, надѣяться?
Что съ тобой я во вѣкъ не разстанусь?

Я создамъ, какъ всегда, по подобію
Своему васъ, рабы и повстанцы—
И закаты за вами потянутся,
Какъ напутствія вамъ и надгробье.

Но нигдѣ я не стану васъ чествовать
Юбилеемъ лучей, и на свѣтѣ
Вы не встрѣтите дня, день не встрѣтитъ васъ
Я вамъ ночь оставляю въ наслѣдье.

Я люблю тебя черной отъ сажи
Сожиганья пассажей, въ золѣ—
Отпылавшихъ андантъ и адажій
Съ бѣлымъ пепломъ балладъ на челѣ,

Съ загрубѣвшей отъ музыки коркой
На поденной душѣ, вдалекѣ
Неумѣлой толпы, какъ шахтерку
Проводящую день въ рудникѣ.

о н а.

Изборожденный тьмою бороздокъ
Рябью сбѣжавшій при видѣ любви,
Этотъ, вотъ этотъ безснѣжный воздухъ,
Этотъ, вотъ этотъ,— руками лови?

Годы льдовъ простерлися
Небомъ въ отдаленьи,
Я ловлю, какъ горлицу,
Воздухъ голой жменей,

Вслѣдъ за накидкой восточной
Все—долой, долой!
Нынче небесъ недостаточно,
Какъ мнѣ дышать золой!

Ахъ, грудь съ грудью борются,
День съ уединеньемъ.
Я ловлю, какъ горлицу,
Воздухъ голой жменей

о н ъ.

Я люблю, какъ дышу. И я знаю:
Двѣ души стали въ тѣлѣ моемъ,
И любовь та душа иная,
Имъ несносно и тѣсно вдвоемъ;

Отъ тебя моя жажда пособія,
Безъ тебя я не знаю пути,
Я съ восторгомъ отдамъ тебѣ обѣ,
Лишь одну изъ двоихъ пріюти.

О, не смѣйся, ты знаешь какую—
О, не смѣйся ты знаешь къ чему—
Я и старой лишиться рискую,
Если новой я рта не зажму.

21.

БАЛЛАДА.

Бываетъ курьеромъ, на борзомъ
Разскачется сердце, и точно
Отрывистость азбуки Морзе,
Черты твои въ зеркалѣ срочны,

Поэтъ или просто глащатай,
Герольдъ или просто поэтъ
Въ груди твоей—топотъ лошадный
И сжатость огней и ночныхъ эстафетъ,

Кому сегодня шутится?
Кому кого жалѣть?
Съ платка текла распутица
И къ ливню липла плеть,

Былъ вѣтеръ запертъ наглухо
И штемпеля влѣплялъ,
Какъ оплеухи наглости,
Шалѣя, конь въ поля.

Песокъ горѣлъ пощечиной
Неотомщенной въ срокъ,
Несмытой, нетплоченной
Заушиной дорогъ,

Бряцалъ мундштукъ закушенный,
Врывалась въ ночь луна,
Конь оглушалъ заушиной
Оскребки большака.

Не видно ни зги
По алеѣ,
Топчутъ пчелъ сапоги
Ни зги,
Въ рукѣ у лакея—
Фонарь. Въ глазахъ—круги.

Какъ бѣлая пѣна, бѣла баллюстрада,
И факелъ привратника, какъ брадобрей.

Сбриваетъ газоны съ сада,
Сбриваетъ людей—
Сбриваетъ людей:—
До самыхъ дверей
Мнѣ надо
Видѣть графа!
Затѣмъ, что ропотъ стволовъ—баллада,
Затѣмъ, что дыханья не переводя,
Мутясь, мятется ночь измлада
Затѣмъ, наконецъ, что—баллада, баллада
Монетный дворъ дождя.

Мнѣ надо его видѣть—съ желѣзнаго ската
Стекая гербомъ на каретной корѣ,
Изъ слякоти ливень чеканитъ дукаты
И лѣпитъ копѣйки на мѣдномъ дворѣ.

Мнѣ надо его видѣть—затѣмъ, что стихійно
Надъ графствомъ шафранъ сентября залинялъ
И листья осинъ, какъ изъ цинка цехины,
Усѣяли паркъ, какъ прилавокъ мѣнялъ.

Шуршать со смертельной фальшью
Въ паденьи,—шопотъ пшена,
А дальше—пруды, а дальше—
Змѣею гніетъ тишина,

И также фальшивитъ фашинникъ
И какъ то сквозь сонъ, не въ серьезъ—
Въ паденьѣ повисли вершины
Пастушески—пестрыхъ березъ

Довольно,
Мнѣ надо
Видѣть
Графа.

Я несся бѣдой въ проводахъ телеграфа
Вдали клокотали клочки зарницъ
Въ котлахъ, за зубцами лѣсныхъ бойницъ

Стояла тишь гробовая
Лапшу полыханій похлебывало,
Изъ черныхъ котловъ, забываясь,
Въ одышкѣ, далекое облако.

Сбѣгаетъ краска съ лица консьержа,
Въ слова посѣтителя вкрался пароль
Лицо наклоняется. Гость еще сдержанъ,
Но очи очамъ прохрипѣли: открой!

. . . . . .

Къ завѣтнымъ окнамъ припала челядь
И сыплется рыхлая тишь съ высоты,
То норы съ ослѣпшими звѣздами дѣлятъ
И полночь неслышно буравятъ кроты.

. . . . . .

Роса затянула ознобомъ курганы
За шторой внезапно замолкли шаги,
Когда въ дремоносныя сосны органа
Впился—весь отчаянье—вопль пустельги.

. . . . . .

22.

Не какъ люди, не еженедѣльно.
Не всегда, въ столѣтье раза два
Я молилъ тебя: членораздѣльно
Повтори творящія слова.

И тебѣ жъ невыносимы смѣси
Откровеній и людскихъ неволь.
Какъ не хочешь ты, чтобъ я былъ веселъ,
Съ чѣмъ бы сталъ ты ѣсть земную соль?!

23

ВНѢДРЕННАЯ.

О, вольноотпущенница, если вспомнится
О, если забудется, плѣнница лѣтъ,
По мнѣнію многихъ, душа и паломница,
По моему—тѣнь безъ особыхъ примѣтъ.

О, въ камнѣ стиха, даже если ты канула,
Утопленница, даже если—въ пыли
Ты бьешься, какъ билась княжна Тараканова,
Когда Февралемъ залило равелинъ.

Что дѣлать, я слышу, крича объ амнистіи,
Кляня времена, какъ клянутъ сторожей,
Стучатся опавшіе годы, какъ листья,
Въ садовую изгородь календарей.

24.

Вслѣдъ за мной всѣ зовутъ васъ барышней,
Для меня этотъ зовъ зачастую,
Какъ актъ наложенья наручней.
Какъ возгласъ: я васъ арестую.

Насъ отыщутъ легко всѣ тюремщики
По очень простой примѣтѣ,
Отнынѣ на свѣтѣ есть женщина
И у ней есть тѣнь на свѣтѣ.

Есть лица, къ туману притертыя
Всякій разъ, какъ плашмя на нихъ глянешь,
И только одною аортою
Лихорадящій выплеснутъ глянецъ,

1914.

25.

ОТРЫВОКЪ.

Усыпляясь, влачась, и сплющивая
Плащи тополей и стоковъ,
Тревога подула съ грядущаго,
Какъ съ юга дуютъ сирокко.

Швыряя шафранные факелы
Съ придверныхъ пьедесталовъ,
Она горящею паклею
Сѣрое ненастье хлестала.

Тому, грядущему, быть ему
Или не быть ему?
Но мѣдныхъ макбетовыхъ вѣдьмъ въ дыму
Видимо невидимо.

Глушь доводила до безчувствія
Дворы, дворы, дворы... И съ нихъ
Съ ихъ глухоты—съ ихъ захолустья
Брала начало ночь портнихъ—
Иныхъ и настоящихъ, прачекъ,
И спертыхъ воплей караулъ
Когда—съ Канатчиковой дачи
Декабрь веревки вилъ, канатчикъ,
Изъ тѣлъ, и руки въ дуги гнулъ,
Середь двора— . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Снѣгъ текъ съ разстегнутыхъ енотовъ,
Съ подмокшихъ, слипшихся лисицъ
На ледъ оконныхъ переплетовъ
И часто, на плечи жилицъ.

Тупикъ, спускаясь, велъ къ рѣкѣ
И часто, на одномъ конькѣ
Къ рѣкѣ спускался, внѣ себя
Отъ счастья, что и онъ, дробя
Кавалерійскимъ слѣдомъ ледъ—
Какъ парные коньки несетъ
Къ рѣкѣ—счастливый карапузъ
Счастливый тѣмъ, что лоскъ рейтузъ
Приводитъ въ ужасъ все вокругъ
Что все—таинственность, испугъ
И сокровенье,—и что тамъ,
На старомъ мѣстѣ старый шрамъ
Ноябрьскихъ тучъ, что приложивъ
Къ устамъ свой палецъ, полуживъ
Стоитъ знакомый небосклонъ,
И тѣмъ, что за ночь выросъ онъ.

Въ тѣ дни, какъ отъ побоевъ слабый,
Палъ на землю тупикъ. Исчезъ,
Хотѣлъ исчезнуть отъ масштаба
Заставъ бастующихъ небесъ.

Стояли тучи подъ ружьемъ
И, какъ въ казармахъ батальоны
Команды ждали. Нипочемъ
Стѣсненной стужѣ были стоны.
Любила снѣгъ ласкать пальба

И улицы, обыкновенно—
Невинны были, какъ мольба,
Какъ святость неприкосновенны
Кавалерійскіе слѣды
Дробили льды. И эти льды
Перестилались снѣжнымъ слоемъ
. . . . . .

. . . . . Ряды оконъ
Неосвѣщенныхъ въ поздній часъ.
Имѣли видъ сплошныхъ попонъ
Съ прорѣзами для конскихъ глазъ.

26

PRO DOMO.

Налетѣла тѣнь. Затрепыхалась въ тягѣ
Сальнаго огарка. И метнулась вонъ
Съ побѣлѣвшихъ губъ и отъ листа бумаги
Въ мѣловой распахъ сырѣющихъ оконъ.

Въ часъ, когда писатель—только вѣроятье,
Блѣдная догадка блѣднаго огня,
Въ уши душной ночи какъ не прокричать ей
Это—часъ убійства! Гдѣ то ждутъ меня!

Въ часъ, когда изъ сада остро тянетъ тѣнью
Пьяной, какъ пространства, міровой, какъ скокъ
Степи подъ сѣдломъ,—я весь—на иждивеньѣ
У огня въ колонной воспаленныхъ строкъ.

1914.

27

Порою ты, опередивъ
Мгновенной вспышкой мѣсяцы,
Сродни пожарамъ чащъ и нивъ,
Когда края безлѣсятся;

Дыши въ грядущее, теребь
И жги его—зализется
Оно душой твоей, какъ степь
Пожара бѣлой жижицей.

И отъ тебя, по самый гробъ
Съ судьбы твоей предверія
Дни, словно стадо стадо антилопъ,
Въ испугѣ топчутъ преріи.

28.

APASSIONATA.

Отъ жара струились стручья,
Отъ стручьевъ струился жаръ.
И ночь пронеслась, какъ изъ тучи
Съ корнемъ вырванный шаръ.

Удушьемъ свело оболочку,
Какъ змѣй—трещала ладья,
Сегодня жъ мнѣ кажется точкой
Та ночь въ небесахъ бытія.

Не помню я, былъ ли я первымъ,
Иль первою были вы—
По ней барабанили нервы,
Какъ сѣтка изъ бичевы

Громадой рубцовъ напружась,
Отъ жару грязенъ и нагъ,
Былъ одинокъ, какъ ужасъ,
Ея восклицательный знакъ.

Проставленный жизнью по сизой
Безводной Сахарѣ небесъ,
Онъ плылъ оттянутый къ низу
И пѣлъ про удѣльный вѣсъ.

29.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

Былъ вечеръ, какъ ударъ,
И былъ грудною жабой
Лѣсовъ—багровый шаръ,
Чадившій безъ послабы.

И день валился съ ногъ,
И съ ногъ валился тутъ же,
Гдѣ съ людомъ и шинокъ,
Подобранный заблудшей

Трясиной влекся. Гдѣ
Концы свели съ концами,
Плавучесть звѣздъ въ водѣ
И возъ въ ихъ панорамѣ.

Гдѣ словно спиртъ, взасосъ
Пары болотъ подъ паромъ
Тянули крѣпость росъ
Разбавленныхъ пожаромъ.

И былъ, какъ параличъ,
Тотъ вечеръ. Былъ, какъ кризисъ
Поэмъ о смерти. Притчъ
Рѣшившихъ сбыться, близясь.

Сюда! лицомъ къ лицу
Заката не робѣя
Сейчасъ придетъ къ концу
Послѣдній день Помпеи.

30.

За окнами давка, толпится листва
И палое небо съ дорогъ не подобрано
На крикъ, Запирай!—попиралась трава,
И вотъ; все развѣнчано, смыто и попрано.

Крѣпчаетъ небесъ разложившихся смрадъ,
Смрадъ сосенъ и дерна, и теса и тополя,
Толченыя травы текутъ и горятъ
Ихъ жилы порвались, сплелись и полопались.

Со стеколъ балконныхъ, какъ съ бедеръ и плечъ
Купальщицъ парами прохладными обданныхъ,
Стекаетъ тускнѣющій блескъ—и залечь
Плетется по трупамъ каштановъ растоптанныхъ—

И вотъ распластался онъ. Вотъ онъ залегъ,
На пни заглядѣвшися, прочно и надолго,
Но мигъ не далекъ, какъ кривой уголекъ
Въ кустахъ разожжется и высѣчетъ радугу.

31

Ночамъ соловьемъ обладать,
Что ведромъ полнодоннымъ колодцамъ,
Не знаю я, звѣздная гладь
Изъ пѣсни ли, въ пѣсню ли льется;

Но чѣмъ его пѣсня полнѣй,
Тѣмъ ночь его пѣсни просторнѣй,
Тѣмъ глубже отдача корней,
Когда она бьется объ корни.

И если березовыхъ купъ
Безвозгласно великолѣпье,
Мнѣ кажется бьется о срубъ
Та пѣсня желѣзною цѣпь,

И каплетъ со стали тоска,
И ночь растекается въ слякоть,
И ею слѣдятъ съ цвѣтника
До самыхъ закраинныхъ пахотъ.

32

Нѣтъ силъ никакихъ у вечернихъ стрижей
Сдержать голубую прохладу,
Она прорвалась изъ горластыхъ грудей
И льется, и нѣтъ съ нею сладу.

И нѣтъ у вечернихъ стрижей ничего,
Чтобъ тамъ, наверху, задержало
Витійственный возгласъ ихъ: о, торжество,
Глядите, земля убѣжала.

Какъ, бѣлымъ ключомъ закипая въ котлѣ,
Уходитъ бранчивая влага,
Смотрите, смотрите—нѣтъ мѣста землѣ
Отъ края небесъ до оврага.

33

СЧАСТЬЕ.

Исчерпанъ весь ливень вечерній
Садами. И выводъ—таковъ:
Насъ счастье тому же подвергнетъ
Терзанью, какъ сонмъ облаковъ;

Невѣрное бурное счастье
Съ лица и на видъ таково,
Какъ улицъ по смытьи ненастья
Столиственное торжество.

Тамъ миръ заключенъ. И какъ Каинъ
Тамъ заштемпелеванъ тепломъ
Окраинъ, забытъ и охаянъ
И высмѣянъ листьями громъ.

И высью. И капель икотой
И внятной тѣмъ болеѣ, что
И рощамъ нѣтъ счета: рѣшета
Стряслися въ одно рѣшето.

На плоской листвѣ. Океанѣ
Расплавленныхъ почекъ. На днѣ
Бушующаго обожанья
Молящихся вышинѣ.

Кустарника сгустокъ не выжатъ.
По клѣткѣ и влюбчивый клёстъ
Зерномъ такъ задорно не брызжетъ
Какъ жимолость—розсыпью звѣздъ.

34

Развѣ только по канавамъ
Словно въ яблокахъ рысакъ
Скачетъ рѣзво, буйно, браво
Брага стоковъ и клоакъ?

Развѣ только птицы цѣдятъ,
Въ синемъ небѣ щебеча,
Ледяной лимонъ обѣденъ
Сквозь соломинку луча?

Оглянись, и ты увидишь
До зари, весь день, вездѣ,
Съ головой Москва, какъ Китежъ—
Въ свѣтлоголубомъ прудѣ.

Отчего прозрачны крыши
И хрустальны колера?
Какъ камышъ кирпичъ колыша,
Дни несутся въ вечера.

Городъ черенъ, жидокъ, топокъ
Струпья снѣга на счету,
И Февраль горитъ, какъ хлопокъ,
Захлебнувшійся въ спирту.

Бѣлымъ пламенемъ измучивъ
Зоркость чердаковъ—въ косомъ
Переплетѣ птицъ и сучьевь
Воздухъ голъ и невѣсомъ.

Въ эти дни теряешь имя,
Толпы лицъ сшибаютъ съ ногъ,
Знай, твоя подруга съ ними,
Но и ты не одинокъ.

Вчера еще были и воздухъ и воля,
А нынче ракиты, какъ мысли растеряны,
И нынче и мысли, и воздухъ и воля
Изъ вѣтра, изъ пыли, изъ сѣраго дерева.

Вчера еще были ристанья и пренья
И тяжбы у кровель и заревъ о роскоши,
А нынче закатъ уподобленъ сиренѣ,
Влачащейся грудью и гривою по суши.

35

Весна! Не отлучайтесь
Сегодня въ городъ. Стаями
По городу, какъ чайки
Льды раскричались, таючи

Земля, земля волнуется
И катятся, какъ волны,
Чернѣющія улицы—
Имъ вѣтренно, имъ холодно.

По нимъ плывутъ, какъ спички
Сгорая и захлебываясь,
Сады и электрички—
Имъ вѣтренно, имъ холодно.

Отъ кружки синевы со льдомъ,
Отъ пѣны буревѣстниковъ,
Вамъ дурно станетъ. Впрочемъ, домъ
Кругомъ затопленъ пѣснью.

И бросьте размышлять о тѣхъ,
Кто выѣхалъ рыбачить,
По городу гуляетъ грѣхъ
И ходятъ слезы падшихъ,

1914.

36

Я понялъ жизнь цѣль, и чту
Ту цѣль какъ цѣль, и эта цѣль,
Признать, что мнѣ не въ моготу,
Мириться съ тѣмъ, что есть Апрѣль,

Что дни—кузнечные мѣхи,
И что растекся полосой
Отъ ели къ ели, отъ ольхи
Къ ольхѣ желѣзный и косой

И жидкій, и въ снѣга дорогъ,
Какъ уголь въ пальцы кузнеца,
Съ шипѣньемъ впившійся потокъ
Зари безъ края и конца.

Что самородкомъ рдѣетъ глушь
Въ зловонной грудѣ красныхъ тушъ,
И эти туши—бревна хатъ
И фартукъ мясника—закатъ.

Что въ берковецъ церковный зыкъ,
Что взятъ звонарь въ вѣсовщики,
Что отъ капели, отъ слезы
И отъ поста болятъ виски.

37

ПОЭЗІЯ ВЕСНЫ.

Что почекъ, что клейкихъ заплывшихъ огарковъ
Налѣплено къ вѣткамъ! Затепленъ
Апрѣль. Возмужалостью тянетъ изъ парка
И реплики лѣса окрѣпли.

Лѣсъ стянутъ по горлу петлею пернатыхъ
Гортаней, какъ буйволъ арканомъ,
И стонетъ въ сѣтяхъ, какъ стенаетъ въ сонатахъ
Стальной гладіаторъ органа.

Поэзія! Греческой губкой въ присоскахъ
Будь ты, и межъ зелени клейкой
Тебя бъ положилъ я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.

Расти себѣ пышныя брыжи и фижмы
Вбирай облака и овраги,
А ночью, поэзія, я тебя выжму,
Ставь кляксы и плачь на бумагѣ!

38

Это мои, это мои,
Это мои непогоды—
Пни и ручьи, блескъ колеи
Мокрыя стекла и броды,

Вѣтеръ въ степи, фыркай, храпи,
Наотмашь брызжи и фыркай,
Что тебѣ сплинъ, ропотъ крапивъ,
Лепетъ холстины по стиркѣ

Платья, кипя, лижутъ до пятъ,
Станы гусей и полотнищъ,
Рвутся, летятъ, клонятъ канатъ,
Плещутъ въ ладони работницъ.

Ты и тоску порешь въ лоскутъ,
Порешь не знаешь покрою,
Вотъ они тамъ, вотъ они тутъ,
Клочьями кочки покроютъ.

39

ЗАРЯ НА СѢВЕРѢ.

Сквозь снѣгъ чернѣется кадыкъ
Земли. Заря вздымалась грудью.
Глаза зари въ глаза воды
Глядятъ, зимуя въ изумрудѣ.

Заливъ клещомъ впился въ луга,
И съ мясомъ только вырвешь вечеръ
Изъ десенъ топи. Берега,
Какъ уголь точны и зловѣщи.

Свѣжо, какъ семга, солнце, въ ледъ
Садясь. Какъ лосось въ ломти
Изрѣзанъ льдомъ и лоскомъ водъ
Закатъ на плоскомъ горизонтѣ.

Теченье ѣстъ зарю. Прудятъ
Потокъ объѣденныя вѣтки
Съ кистями красныхъ ягодъ. Ядъ
Сочатъ намокшіе объѣдки.

Рѣка отравлена. Волны
Движенья мертвы и нетрезвы
Но льдинъ ножи обнажены,
И стукъ стоитъ зеленыхъ лезвей

И ни души. Одинъ лишь хрипъ
Слѣпой, случайный хрипъ ножевый
Въ глуши, на плахѣ глыбъ погибъ
Даръ пѣсни, сердца, смѣха, слова.

40

Кокошникъ нахлобучила,
Изъ низокъ ливня—паросль,
Футляръ дымится тучею,
Въ вѣтвяхъ горитъ стеклярусъ

И на подушкѣ плюшевой
Сверкаетъ въ переливахъ
Роскошный и обрушенный
Каскадъ раскатовъ въ ивахъ,

О какъ игрой лиловою,
Онъ въ майскихъ мочкахъ ярокъ!
Чтобъ горы очаровывать
Онъ вынутъ изъ футляра.

41

Когда до тончайшей мелочи
Весь день предъ тобой на вѣсу,
Лишь знойное щелканье бѣлочье
Не молкнетъ въ смолистомъ лѣсу,

И млѣя и силы накапливая
Спитъ строй сосновыхъ высотъ,
Отчетливо, крупными каплями
Роняя веснушчатый потъ.

42

Сады тошнитъ отъ верстъ затишья
Отъ верстъ удушья. Верстъ глуши
Но что палящей пыли лише?
Что лише поле всполошитъ?

Гроза близка. У сада пахнетъ,
Изъ усыхающаго рта
Крапивой, кровлей, тлѣньемъ, страхомъ
Встаетъ въ колонны ревъ скота.

43

На кустахъ растутъ разрывы
Облетѣлыхъ тучъ. У сада
Полонъ ротъ сырой крапивы:
Это запахъ грозъ и кладовъ.

Устаетъ кустарникъ охать.
Въ небѣ множатся пролеты.
У босой лазури походь
Голенастыхъ по болоту.

И блестятъ, блестятъ, какъ губы,
Не утертыя рукою
Лозы ивъ и листья дуба
И слѣды у водопоя.

44

Такъ приближается ударъ.
За сладкимъ, изъ за ширмы лѣни,
Во всеоружьи мутныхъ чаръ
Довольства и оцѣпененья.

Стоитъ на мертвой точкѣ часъ
Не оттого ль, что онъ намѣченъ?
Что желчь моя не разлилась,
Что у меня на мѣстѣ печень.

Мнѣ страшенъ штиль. И мнѣ страшна,
Какъ близкій взвизгъ летучей мыши,
Такихъ затишій тишина,
Такая тишина затишья.

Не отсыхаетъ ли языкъ
У липъ, не липнутъ листья къ нёбу ль,
Въ часы, какъ въ лагерѣ грозы
Полнеба топчется поодаль?

И слышно: гамъ ученье тамъ,
Глухой, лиловый, отдаленный
И жарко бѣлымъ облакамъ
Грудиться, строясь въ батальоны,

Весь лагерь мрака на виду,
И мракъ глазами пожирая
Въ чаду стоятъ плетни. Въ чаду—
Телѣги, кадки и сараи.

Какъ платъ бѣлы—забыли грызть
Подсолнухи, забыли сплюнуть,
Ихъ всѣхъ поработила высь,
На нихъ дохнувшая, какъ юность.

Гроза въ воротахъ! На дворѣ!
Здѣсь!—мнѣ отъ мига хорошѣе,
Во тьмѣ, въ раскатахъ, въ серебрѣ,
Гремя, взбѣгаетъ къ галлереѣ,

По лѣстницѣ.—И на крыльцо.—
Ступень, ступень, ступень—Повязку!
У всѣхъ пяти зеркалъ лицо
Грозы, съ себя сорвавшей маску!

45

ПРОЩАНЬЕ.

Небо гадливо касалось холма
Осенью произносились проклятья,
По вѣтру время носилось, какъ съ платья
Содранная бурьянами тесьма,

Тучи на горку держали. И шли
Переселеньемъ народовъ—на горку,
По вѣтру время носилось оборкой
Грязной, худой, затрапезной земли.

Степь, какъ архангелъ, трубила въ трубу,
Вѣтеръ горланилъ протяжно и властно:
Степь! Я забылъ, въ обладаніи гласной
Какъ согласуютъ съ губою губу.

Вонъ, наводя и не на воды жуть,
Какъ на лампаду, подулъ онъ на рѣчку
Онъ и піоны, какъ сальныя свѣчки,
Силится полною грудью задуть.

И задуваетъ. И въ мракъ погрузясь
Тускло хладѣютъ и плещутъ подкладкой
Листья осинъ. И, упавъ на площадку,
Свѣчи съ куртинъ зарываются въ грязь.

Стало ли поздно въ поляхъ со вчера
Иль до бумажекъ сгорѣлъ наканунѣ
Вянувшій тысячесвѣчникъ петуній,—
Тушатъ. Прощай же. На мѣсяцъ. Пора.

46

НА ПАРОХОДѢ.

Былъ утренникъ. Сводило челюсти,
И шелестъ листьевъ былъ, какъ бредъ,
Синѣе оперенья селезня
Сверкалъ за Камою разсвѣтъ;

Гремѣли блюда у буфетчика,
Лакей зѣвалъ, сочтя судки,
Въ рѣкѣ, на высотѣ подсвѣчника
Кишмя кишѣли свѣтляки,

Они свисали ниткой искристой,
Съ прибрежныхъ улицъ. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывшій стеаринъ.

Сѣдой молвой, ползущей изстари,
Ночной былиной камыша
Подъ Пермь, на бризѣ, въ быстромъ бисерѣ
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волосъ
Отъ затопленья, за суда
Ныряла, и свѣтильней плавала
Въ лампадѣ Камскихъ водъ—звѣзда.

На пароходѣ пахло кушаньемъ
И лакомъ цинковыхъ бѣлилъ,
По Камѣ сумракъ плылъ съ подслушаннымъ,
Не пророня ни всплеска плылъ. -

Сквозь грани баккара, вы суженнымъ
Зрачкомъ могли слѣдить за тѣмъ,
Какъ дефилируютъ за ужиномъ
Фаланги наболѣвшихъ темъ,

И были темы тѣ—эмульсіей
Изъ сохраненныхъ сердцемъ дней,
А вы—послѣднею конвульсіей
Послѣдней капли были въ ней.

Былъ утренникъ. Сводило челюсти
И шелестъ листьевъ былъ, какъ бредъ,
Синѣе оперенья селезня
Сверкалъ за Камою разсвѣтъ.

И утро шло кровавой банею
Какъ нефть разлившейся зари,
Гасить рожки въ каютъ-компаніи
И городскіе фонари.

47

УРАЛЪ ВПЕРВЫЕ.

Безъ родовспомогательницы, во мракѣ, безъ памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и падая замертво
Въ мученьяхъ ослѣпшая, утро рожала.

Гремя опрокидывались нечаянно задѣтыя
Громады и бронзы массивовъ какихъ-то,
Пыхтѣлъ пассажирскій. И гдѣ то отъ этого
Шарахтаясь, падали призраки пихты.

Коптившій разсвѣтъ былъ снотворнымъ. Не иначе.
Онъ имъ былъ подсыпанъ,—заводамъ и горамъ
Фабричнымъ, печнымъ, злоязычнымъ Горынычемъ,
Какъ опій попутчику опытнымъ воромъ.

Очнулись въ огнѣ. Съ горизонта пунцоваго
Къ лѣсамъ подползалъ океанъ коронацій,
Лизалъ имъ подошвы и соснамъ подсовывалъ
Короны и звалъ ихъ на царство вѣнчаться!

И сосны повставъ и, храня іерархію
Мохнатыхъ монарховъ, вступали
На устланный гнѣвнымъ оранжевымъ бархатомъ
Покровъ изъ снѣговъ и сусали...

48

МУЗА ДЕВЯТЬСОТЪ ДЕВЯТАГО.

Слывшая младшею дочерью
Грозъ, изъ фамиліи ливней,
Ты, опыленная дочерна
Громомъ, какъ крылья крапивницъ!

Молнія былей пролившихся,
Мглистость молившихся мыслей,
Давность, ты взрыта излишествомъ,
Ржавчиной блескъ твой окисленъ.

Башни, сшибаясь, набатили
Вены вздымались въ галопѣ.
Небо купалося въ кратерѣ
Полдень стоялъ на подкопѣ.

Лучъ оловѣлъ на посудинахъ.
И, какъ пески на самумѣ,
Клубы догадокъ полуденныхъ
Ротъ задыхали безумьемъ.

Твой же глаголъ ихъ осиливалъ,
Но отъ всемірныхъ песчинокъ
Хрустъ на зубахъ, какъ отъ пылева,
Напоминалъ поединокъ.

49

МАРБУРГЪ.

День былъ рѣзкій и тонъ былъ рѣзкій
Рѣзки были день и тонъ—
Ну, такъ извиняюсь. Были занавѣски
Желты. Пеньюаръ былъ тонокъ, какъ хитонъ.

Ласка іюля плескалась въ тюлѣ,
Тюль, подымаясь, билъ въ потолокъ,
Надъ головой были руки и стулья,
Подъ головой подушка для ногъ.

Вы поздно вставали. Носили лишь модное,
И къ вамъ постучавшись, входилъ я въ танцкласссъ,
Гдѣ страсть, словно балку, кидала мнѣ подъ ноги
Линолеумъ въ клѣтку, пустившійся въ плясъ.

Что сдѣлали вы? Или это по дружески,
Вы въ кружевѣ вьюжитесь, мой другъ въ матинэ?
Къ чему же дивитесь вы, если по мужески—
—мнѣ больно, довольно, есть мѣра длинѣ,
тяни, но не слишкомъ, не рваться жъ струнѣ
мнѣ больно, довольно—
стенаетъ во мнѣ
Назрѣвшее сердце, мой другъ въ матинэ?

Вчера я родился. Себя я не чту
Никѣмъ, и еще непривычна мнѣ поступь
Сейчасъ, вспоминаю, стоялъ на мосту
И видѣлъ, что видятъ немногіе съ моста.

Инстинктъ сохраненья, старикъ подхалимъ
Шелъ рядомъ, шелъ слѣдомъ, бокъ о бокъ, особо,
И думалъ: „Онъ стоитъ того, чтобы за нимъ
Во дни эти злые присматривать въ оба".

Шагни, и еще разъ,—твердилъ мнѣ инстинктъ
И велъ меня мудро, какъ старый схоластикъ,
Чрезъ путаный, древній, сырой лабиринтъ
Нагрѣтыхъ деревьевъ, сирени и страсти.

Плитнякъ раскалялся. И улицы лобъ
Былъ смуглъ. И на небо глядѣлъ исподлобья
Булыжникъ. И вѣтеръ, какъ лодочникъ, гребъ
По липамъ. И сыпало пылью и дробью:

Лиловою мѣдью блистала плита,
А въ зарослях парковыхъ очи хоть выколи,
И лишь насѣкомыя къ солнцу съ куста
Слетаютъ, какъ часики спящаго тикая.

О, въ день тотъ, какъ демонъ, глядѣла земля,
Грозу пожирая, изъ травъ и кустарника,
И небо, какъ кровь, затворялось, спалясь
О, взглядъ тотъ, тяжелый и желтый, какъ арника.

Въ тотъ день всю тебя отъ гребенокъ до ногъ,
Какъ трагикъ въ провинціи драму Шекспирову,
Носилъ я съ собою и зналъ на зубокъ,
Шатался по городу и репетировалъ.

Достаточно тягостно солнце мнѣ днемъ,
Что стынетъ, какъ сало въ тарелкѣ изъ олова,
Но ночь занимаетъ весь домъ соловьемъ
И домъ превращается въ арфу Эолову.

По стѣнамъ испуганно мечется бой
Часовъ и несется осѣдланный маятникъ,
Въ саду—ты глядишь съ побѣлѣвшей губой—
Съ земли отдѣляется каменный памятникъ.

Тотъ памятникъ—тополь. И каменный гость
Тотъ тополь: луна повсемѣстна и цѣлостна,
И въ комнатѣ будутъ, и бѣлая кость
Березы, и прочія окаменѣлости.

По всюду портплэды разложитъ туманъ,
И въ каждую комнату всунутъ по мѣсяцу.
Пріѣзжіе мнѣ предоставятъ чуланъ,
Версту корридора да черную лѣстницу.

По лѣстницѣ черной легко босикомъ
Свершить замѣчательнѣйшую экскурсію.
Лишь ужасомъ бѣлымъ оплавится домъ,
Да ужасомъ чернымъ—трава и настурціи.

Въ экскурсію эту съ свѣчою идутъ,
Чтобъ видѣли очи фіалокъ и крокусовъ,
Какъ сомкнуты вѣки бредущаго. Тутъ
Вся соль—въ освѣщеньѣ безокаго фокуса.

Чего мнѣ бояться? Я тверже грамматики
Безсоницу знаю. И мнѣ не брести
По голой плитѣ босоногимъ лунатикомъ
Среди липъ и березъ изъ елоновый кости.

Вѣдь ночи играть садятся въ шахматы
Со мной на пунномъ паркетномъ полу.
Акаціей пахнетъ и окна распахнуты
И страсть, какъ свидѣтель, сѣдѣетъ въ углу.

И тополь—король. Королева—безсонница.
И ферзь—соловей. Я тянусь къ соловью.
И ночь побѣждаетъ, фугуры сторонятся,
Я бѣлое утро въ лицо узнаю.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Близнецъ въ тучахъ, I книга стиховъ.—М. 1914. К-во „Лирика“ Стр. 56. (Распродано).

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

1. Посвященье. 7
2. Дурной сонъ. 9
3. Артиллеристъ стоитъ у кормила. 11
4. Осень. Отвыкли отъ молній 13
5. Фантазмъ. 15
6. Петербургъ 16
7. Сочельникъ 20
8. Цѣльною льдиной. 21
9. Раскованный голосъ. 22
10. Какая горячая кровь. 23
11. Полярная швея. 24
12. Метель 26
13. Импровизація. 28
14. Какъ казначей. 29
15. Мельницы. 33
16. Materia prima. 35
17. Съ разсвѣтомъ, взваленнымъ за спину 37
18. Предчувствіе. 38
19. Но почему. 39
20. Скрипка Паганини 41
21. Баллада. 45
22. Не какъ люди. 49
23. Внѣдренная. 50
24. Вслѣдъ за мной 51
25. Отрывокъ. 52
26. Pro domo 55
27. Порою, ты опередивъ 56
28. Apassionata. 57
29. Послѣдній день Помпеи. 58
30. За окнами давка. 60
31. Ночамъ соловьемъ обладать 61
32. Нѣтъ силъ никакихъ. 62
33. Счастье. 63
34. Развѣ только по канавамъ. 65
35. Весна! не отлучайтесь. 67

Стр.
36. Я понялъ жизни цѣль, и чту 68
37. Поэзія весны 69
38. Это мои, это мои 70
39. Заря на сѣверѣ. 71
40. Кокошникъ нахлобучила. 73
41. Когда до тончайшей мелочи. 74
42. Садъ тошнитъ отъ верстъ затишья. 75
43. На кустахъ растутъ разрывы 76
44. Такъ приближается ударъ. 77
45. Прощанье. 79
46. На пароходѣ. 81
47. Уралъ впервые. 83
48. Муза тысяча девятьсотъ девятаго. 84
49. Марбургъ 85

МОСКВА
Погодинская, 4, 45.

Сергѣй Бобровъ. Лирическая Тема, — Стр. 34. М. 1914. (Распродано).

Руконогъ, 1-й сборникъ к-ва. Стр. 46. М. 1914. (Распродано).

Ѳедоръ Платовъ. „Блаженны нищіе духомъ". — Стр. 16. М. 1915. (Распродано).

Третья книга отъ **Ѳедора Платова.** Стр. 80. М. 1916. (Наложенъ арестъ).

Второй сборникъ ЦЕНТРИФУГИ. М. 1916. (Распродано).

Божидаръ. Распѣвочное Единство. Предисловіе и комментаріи Сергѣя Боброва. М. 1916. Стр. 84+4 (нен.) Цѣна 1 р. 25 к.

Константинъ Большаковъ. Солнце на излетѣ. Вторая книга стиховъ. Обложка Л. М. Лисицкаго.—Стр. 64. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

И. А. Аксёновъ. Елисаветинцы. Вып. I. (Фордъ, Вебстеръ, Тернеръ). — Стр. 300+8 (нен.) М. 1916. Ц. 4 р. (Въ филассовомъ переплетѣ и футлярѣ 8 р.)

И. А. Аксёновъ. Неуважительныя основанія. Съ двумя офортами А. А. Экстеръ.—Стр. 48. М. 1916. 8⁰. Ц. 12 р.

И. А. Аксеновъ. Пикассо и окрестности. Съ 10 меццо-тинто съ картинъ мастера. (Печатается).

Николай Асѣевъ. Оксана. Стихи 1912—16 гг. —Стр. 88. Цѣна 1 р. 50 к.

Сам. Вермель. Пролегомены театра. Сборникъ статей. (Печатается)

Сергѣй Бобровъ. Алмазные лѣса. II книга стиховъ.—Стр. 48. М. 1916. Ц. 1 р.

Сергѣй Бобровъ. Лира Лиръ. III книга стиховъ. (Печатается).

Рюрикъ Ивневъ. Золото Смерти.—Стр. 16. М. 1916 Ц. 50 к.

К. Бубѣра. Критика житейской философіи. Предисловіе, редакція и примѣчанія Сергѣя Боброва. (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Записки Стихотворца. Т. II. (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Основы стиховѣдѣнія. (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Н. М. Языковъ о міровой литературѣ.—Стр. 16. М. 1916. Ц. 50 к.

Борисъ Пастернакъ. Поверхъ Барьеровъ. II книга стиховъ.—Стр. 96. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.

Московскіе Мастера. Вып. II. (Ц—3)—(Готовится).

Стиховѣдъ. Сборникъ статей по теоріи русскаго стиха. Вып. I. (Готовится).

Сам. Вермель. Золотое лицо. II книга стиховъ. (Готовится).

И. А. Аксёновъ. Елисаветинцы. Вып. II. Бомонтъ, Флетчер Массинджеръ, Гейвудъ.—(Готовится).

Проспекты и каталоги изданій высылаются по требованію безплатно.

XIV

1 р. 75 к.

Цена этой книги
повышена
на 50%